ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

EDN: UBZXCA УДК 82-192

К вопросу о поэтическом жанре песни (на материале лирики Н. М. Рубцова)

Соловьева Елена Евгеньевна[1], Жигулин Макар Михайлович[2]

[1]кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Гуманитарного института, Череповецкий государственный университет. Россия, г. Череповец. ORCID: 0000-0002-3730-0694. E-mail: eesoloveva@chsu.ru

[2]учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 14. Россия, г. Череповец. ORCID: 0009-0002-2105-0229. E-mail: mmzhigulin@chsu.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу поэтического жанра песни в творчестве Н. М. Рубцова – одного из ключевых представителей «тихой лирики» второй половины XX века. Актуальность исследования обусловлена интересом литературоведов и литературных критиков к «песенности» как имманентному качеству рубцовского стиха и необходимостью теоретического осмысления жанра песни в творчестве поэта. Целью является определение специфических черт, характерных для лирического жанра песни. Предметом анализа становятся интонационно-ритмические, структурно-композиционные особенности, система образов, мотивов и символов стихотворений, названных «песнями». Методологической базой являются исследования Б. М. Эйхенбаума и М. Л. Гаспарова, посвященные русской лирической системе. Мы опирались на концепцию содержательности литературных форм Г. Д. Гачева и В. В. Кожинова, теорию жанров Н. Л. Лейдермана, а также на работы В. Н. Баракова о поэтике Н. М. Рубцова. Специальное внимание мы уделили рассмотрению фольклорных традиций, что отмечал сам Н. М. Рубцов. В результате исследования мы пришли к выводу, что жанр песни в поэзии Н. М. Рубцова отличается исповедальностью авторской интонации, тесно связан с фольклором и традициями классической литературы, структурирован, частично уподоблен синтетическому жанру песни, характеризуется системой повторов на всех уровнях текста, особым ритмом образов и мотивов, музыкальностью. Работа обладает научной перспективностью: она значима как для изучения творческого наследия Н. М. Рубцова, так и для формирования теоретико-литературной базы песенного жанра. Результаты работы могут применяться в рамках продолжения исследования по данной теме и смежным направлениям, а также при разработке дисциплин филологического цикла «История русской литературы», «Теория литературы», «Литературоведческий анализ текста».

Ключевые слова: жанр песни, мелодика, поэтическая интонация, фольклорная песня, Николай Рубцов.

Творчество Н. М. Рубцова продолжает традицию напевной русской лирики, что отмечают практически все исследователи [15]. Недаром на стихи поэта создано так много песен, в том числе всенародно любимых («Букет» А. Барыкина, «В горнице», «Улетели листья с тополей…» и «До конца, до тихого креста…» А. Морозова). «Такие стихи не могли не родить, не вызвать к жизни музыку и, вызвав, не слиться с нею», – пишет поэт С. В. Викулов [4].

Несмотря на то что творчество Н. Рубцова изучено с разных сторон: Е. В. Иванова рассматривает генезис рубцовской традиции [10], М. В. Турилова – интертекстуальные связи [20], Л. В. Тимашова анализирует эстетико-нравственное содержание поэзии [18], а М. А. Зиновьева – ее жанровое своеобразие [9], мы не нашли специальных исследований, посвященных поэтическому жанру песни в творчестве Н. М. Рубцова. Сразу обозначим нашу позицию: мы рассматриваем не синтетический музыкально-поэтический жанр, а собственно поэтический, пытаясь решить литературно-теоретическую проблему, а именно: выявить содержательные и формальные элементы, которые позволили поэту обозначить свои произведения как песни.

Материалом исследования стали лирические стихотворения, имеющие в названии жанровое определение «песня»: «Песня» («Катятся волны по морю…»), «Зимняя песня», «Прощальная песня», «Осенняя песня», «Песня» («Отцветет да поспеет…») и «Песенка».

© Соловьева Елена Евгеньевна, Жигулин Макар Михайлович, 2026

Методика изучения данных произведений основана на уровневом анализе стихотворных текстов М. Л. Гаспарова [6], теории мелодики русской лирики Б. М. Эйхенбаума, в частности его идеи о доминирующем характере интонации в лирике напевного типа [22, с. 296–297], концепции содержательности художественной формы Г. Д. Гачева и В. В. Кожинова [7, с. 18]. Мы разделяем точку зрения Н. Л. Лейдермана о необходимости сопряжения формальных особенностей литературного произведения с созданием чувственно-наглядного образа и его связи со всем поэтическим миром творца [13, с. 25].

Напевность, «песенность» русской лирики, отмечаемая стиховедами, заставляет задуматься о специфике поэтического жанра песни.

Филолог В. Ф. Шишмарёв характеризует песню как «своеобразную древнюю форму художественного творчества, представляющую собой соединение поэзии с музыкой и оркестикой (также мимикой), или поэзии с музыкой» и разделяет народную и так называемую «искусственную» (литературную), к которой относит «многие стихотворения Некрасова, Кольцова, Бернса, Гейне и др.» [21]. Литературовед С. Г. Лазутин определяет песню как «одну из форм словесно-музыкального искусства» [12, стб. 711]. Н. И. Мокрова, подчеркивая синкретичность песенного жанра, как лингвист, анализирует особенности песенного текста. Она выделяет такие его признаки, как повышенная упорядоченность и иерархичность, тесная связь элементов друг с другом и целым, высокая степень психологичности и эмоциональности, экспрессивность, выражающаяся в повторах и параллелизмах, особой звучности и образности. Исследовательница указывает, что выразительность песни зависит от ее эмоциональности и лаконичности и дополняется музыкой [14].

Песня среди лирических жанров наиболее тесно связана с фольклорной традицией, заимствуя образы, поэтические формулы, композиционные приемы, например «Песня (Ты не пой, соловей…» А. В. Кольцова, «Русская песня» и др.), «Песня (Во чистом поле калина…)» И. З. Сурикова, «Песня (Есть одна хорошая песня у соловушки…)» С. А. Есенина, песни советских поэтов («Песня о встречном» Б. П. Корнилова, «Песенка» М. А. Светлова, «Песня любви» Л. И. Ошанина и мн. др.).

На этом прочном фундаменте строится поэтика «песен» Н. М. Рубцова. Его стихотворения, отмеченные особой напевностью и внутренней музыкальностью, органично вписываются в общую линию развития русской лирической поэзии XIX–XX вв.

Народную культуру поэт впитал с детства, чему способствовали обстоятельства его нелегкой жизни в вологодской глубинке. Н. Рубцов свидетельствует: «До меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического» [5, с. 9]. Современники вспоминают, что Н. М. Рубцов не только слушал русские народные песни, но и сам любил их петь, подыгрывая себе на гармошке [5]. С. В. Блинова и М. П. Будилова отмечают, что на протяжении всей жизни музыка оказывала сильное влияние на поэта [3].

Исследователь поэзии Рубцова В. Н. Бараков пишет о песенности и связи его творчества с фольклором [1; 2]. М. А. Зиновьева, говоря о музыкально-песенной специфике стихотворений Рубцова, выделяет простоту музыкально-словесного построения, ритмико-синтаксический параллелизм, постоянные эпитеты, напевные размеры, повторы как приметы народно-песенной поэтики этих текстов [9, с. 174]. О художественной функции повторов в стихотворениях Н. М. Рубцова пишет и С. Х. Головкина [8].

Обратимся к произведениям Н. М. Рубцова, им самим названным «песнями», чтобы выявить те свойства текста, которые определяют его «песенность».

Стихотворение «Песня» («Катятся волны по морю…») (при жизни не публиковалось) посвящено службе во флоте. Образ моряка, находящегося вдали от любимой девушки и несущего «трудный дозор», связан с мотивами любви на расстоянии и долга.

Композиция стихотворения уподоблена структуре песни, то есть сохраняет деление на куплеты и припевы. Строфы куплетов написаны трехстопным дактилем с усечением: «*Катятся волны по морю, / Чайки тревожно кричат. / Где ж вы, о тихие зори, / Светлые взгляды девчат?*» Припев, похожий на логаэд, выделяется благодаря смешанному метру: «*Ветер, холодный ветер / С нами, как лучший друг. / Светит, призывно светит / Дальний маяк Мудьюг*» [16, с. 74].

Благодаря изменению ритмического рисунка между строфами происходит выделение повторяющегося припева как фактора ритмизации и придания стихотворению «песенности».

Отметим, что в произведении немного образов. Повторяющиеся в припеве «ветер» и «маяк» как бы «стягивают» все остальные образы. «Ветер» становится «вместилищем» обра-

зов моря, тревожных чаек, тоски по возлюбленной и трудностей в морской жизни, а в «маяк» включаются образы ждущих девушек, света, счастья по прибытии на берег. Символический смысл проявляется в ассоциациях: ветер – волнение, холод (возможно, не только физический, но и «душевный»), стойкость; маяк – надежда, предчувствие выхода на берег и долгожданной встречи с любимой.

«Песенность» в данном случае возникает на композиционном и образном уровнях.

Стихотворение «Зимняя песня» (1963, газ. «Вологодский комсомолец»)[1] просто и понятно создает запоминающийся образ зимней ночи, вызывающий ощущение радости и легкой грусти. Произведение написано разностопным дактилем с четырьмя стопами в нечетных и с тремя – в четных стихах. Такое чередование вносит в мелодику стихотворения неоднородность, создает особый интонационный рисунок. Примечательны многочисленные риторические фигуры (восклицания и вопросы). Система восклицаний помогает организовать в строке движение. Ср. первую строфу: «*В этой деревне огни не погашены. / Ты мне тоску не пророчь!*» или третью: «*Скромная девушка мне улыбается, / Сам я улыбчив и рад! / Трудное, трудное – все забывается, / Светлые звезды горят!*» [Там же, с. 191]. Если в первой строфе интонационное движение начинается практически сразу со второй строки, то восклицания третьей строфы подготавливаются четвертой строкой второго четверостишия с вопросом «*Где ж вы, печали мои?*» и являются для нее радостным эмоциональным ответом.

В третьей строфе также особенно явно выделяется интонационный параллелизм с повышением интонации в первых двух и в последних двух строках. Ср.: «*Скромная девушка мне улыбается, / Сам я улыбчив и рад!* [восхождение тона] / *Трудное, трудное – все забывается, / Светлые звезды горят!* [восхождение тона]» [Там же].

Четвертая строфа тремя риторически-вопросительными конструкциями: «*Кто мне сказал, что во мгле заметеленной / Глохнет покинутый луг? / Кто мне сказал, что надежды потеряны? / Кто это выдумал, друг?*» – предваряет повтор начальных строк, усиливая их экспрессивность: «*В этой деревне огни не погашены. / Ты мне тоску не пророчь!*» [Там же].

Анафора «*Кто мне сказал*» в первой и третьей строфах в связке со словом «*это*» придает движение стиху. Вопросительное слово «*кто*», трижды повторенное в начале строк, из-за дактилического метра находится в ударном положении с высоким тоном, создает ощущение диалога как между лирическим героем и неким третьим, так и между ним и слушателем, чье внимание привлечено к неправильности и даже абсурдности пессимизма.

Полных припевов в этом произведении нет, но повторяющиеся во второй и третьей строфах слова «*светятся*» и «*трудные*» в какой-то мере заменяют рефрены: «*пути*» были «*трудные, трудные*», но они забылись, и теперь – антитезой – звезды «*светятся, тихие, светятся, чудные*».

В третьей строфе употреблены однокоренные слова «*улыбается*» и «*улыбчив*», дублирующие эмоцию: лирический герой «*улыбчив*» оттого, что ему «*улыбается*» девушка.

Лирический герой говорит, чтобы ему *«не пророчили тоску»*, так как в мире есть место, где герою рады, где «*не погашены огни*», где ему «*скромная девушка улыбается*», где «*светлыми звездами нежно украшена / Тихая зимняя ночь*» [Там же]. Такое композиционное кольцо не только является «домом» или «хранилищем» всех тех светлых и жизнеутверждающих образов, описанных в последующих строфах, – оно акцентирует внимание слушателя на авторской идее: не нужно отчаиваться и тосковать, ведь жизнь вокруг прекрасна.

Помимо формальных признаков песни, в «Зимней песне» Н. М. Рубцова присутствуют и образы-символы фольклорного происхождения. Опираясь на классификацию символов В. Н. Баракова [1], выделим в стихотворении символ звезды: «*Светлыми <u>звездами</u> нежно украшена / Тихая зимняя ночь*»; «*Трудное, трудное – все забывается, / Светлые <u>звезды</u> горят!*» [16, с. 191], связанный с понятиями счастья, красоты, гармонии человека и природы, легкой грусти оп ушедшему. Символ звезды употребляется в сочетании с эпитетом «светлые» по аналогии с фольклорными устойчивыми эпитетами «добрый молодец», «красна девица» и др.

Песенность данного стихотворения обусловлена системой повторяющихся образов и мотивов, находящихся в сложном переплетении противопоставлений и уподоблений, восклицательными конструкциями, усиливающими эмоциональность, и вопросительными, подчеркивающими доверительность интонации. Немаловажна простота лексики и понятный синтаксис.

[1] Здесь и далее указывается год первой публикации стихотворения при жизни поэта. Сведения приводятся по [16; 17].

Тема «Прощальной песни» (1967, сб. «Звезда полей») определена названием: прощание с родной деревней, расставание с семьей, тоска по родине. Ведущий мотив заявлен в первом стихе: «*Я уеду из этой деревни»* – и далее лирический герой рисует картину малой родины, в которой его уже нет: «*Будет льдом покрываться река, / Будут ночью поскрипывать двери, / Будет грязь на дворе глубока…*» [Там же, с. 235]. Такая конкретизация, в совокупности с придающими динамичность повторами, «достраивает» первую строфу песни до «ключевого» образа: когда лирический герой уедет, то место, в котором он жил, навеки застынет, по крайней мере, для него.

Вопросительные конструкции в третьей и четвертой строфах усиливают эмоциональный накал («*Так зачем же, прищурив ресницы, / У глухого болотного пня / Спелой клюквой, как добрую птицу, / Ты с ладони кормила меня?*») [Там же]. В четвертой лирический герой обращается к своей возлюбленной: «*Слышишь, ветер шумит по сараю?*» и «*Слышишь, дочка смеется во сне?*» [Там же].

В пятой строфе риторические восклицания дробят строки, создают новое ритмический рисунок и добавляют драматизма: «*Мы с тобою как разные птицы!*» [Там же]. Образы птиц, ночных троп символизируют разность судеб.

Лирический герой пытается объяснить свой уход внутренними, психологическими и экзистенциальными причинами: «*Ты не знаешь, как ночью по тропам / За спиною, куда ни пойду, / Чей-то злой, настигающий топот / Все мне слышится словно в бреду*») [Там же]. Топот за спиной и бред вызывают ассоциацию с «бедным Евгением»[2], потерявшим возлюбленную и самого себя, сходящим с ума.

Песенность данного стихотворения прежде всего проявляется в его исключительной эмоциональности, которая, начавшись высоким уровнем тоски, усиливается все больше и больше, переходя порог невыносимого отчаяния. По своему настроению произведение напоминает одновременно и классическую элегию, и фольклорный плач.

Образ уходящего лета создает грустную интонацию «Песни» («Отцветет да поспеет…») (1969, газ. «Призыв»). Стихотворение разделено на 5 шестистиший, каждое из которых представляет собой логаэд на основе 2-стопного анапеста со стройным 3-стопным анапестом в 3-й и 6-й строках. Такая форма придает стихотворению напевность, обусловленную ощущением ненавязчивой ритмичности: «*Отцветет да поспеет / На болоте морошка, – / Вот и кончилось лето, мой друг! / И опять он мелькает, листопад за окошком, / Тучи темные вьются вокруг…*» [17, с. 57].

Картины последних дней лета и начинающейся осени в трех первых строфах вызывают ощущение неизбежности перемен. Динамика определена сочетанием глаголов прошедшего, настоящего и будущего времени: *кончилось, потемнели, закачалась, мелькает, отцветет да поспеет, полетят, будут плакать.* В четвертой строфе появляется образ лирического героя: он буквально врывается в спокойный мир природы и деревни с восклицательным междометием «ах»: *«Ах, я тоже желаю…! / Ах, я тоже на небо хочу!»* [Там же]. Но его порыв остановлен привязанностью к родине, и чувство грусти от неизбежного вытесняет движение, заменяет его эмоцией. Анафорическое «жаль», дополненное жалобным плачем кукушки, создает доминирующее настроение финала. Звуковые образы голоса/плача одинокой кукушки и заунывных стонов в ночи коростеля закольцовывают композицию стихотворения. Образы птиц символичны и предвещают беду: *«Что ж так жалобно плачет / На болоте кукушка? / Что ж не спит по ночам коростель?»* [Там же]. Образ плачущей кукушки перекликается с образом одиноких старушек: «*Выходя на дорогу, / Будут плакать старушки / И махать самолету платком*» [Там же]. Мотив потерянных, уехавших или погибших детей оставлен автором в подтексте, но прочитывается благодаря сопоставлению образов. Образ «дороги» символизирует почти безнадежное ожидание.

Параллелизм природных и пространственных образов с человеческими эмоциями и состояниями аналогичен фольклорным песням. Грусть, философское размышление об неизбежности ухода, картины природы связывают стихотворение с жанром элегии.

В «Осенней песне» (1965, сб. «Лирика») создан тревожный образ осени и приближение зимы. Стихотворение состоит из трех восьмистиший (в других вариантах – трех четверостиший) и написано 2-стопным анапестом (соответственно – дольником на основе 4-стопного анапеста).

[2] Герой поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник».

Образ несущихся листьев передает неукротимое движение времени: «*По дороге неслись / Сумасшедшие листья*» (1-я строфа), *«А последние листья вдоль по улице гулкой / Всё неслись и неслись, выбиваясь из сил»* (3-я строфа) [16, с. 239]. Ощущение разгула стихии и неуютности пространства поддержано деталями: «город мглистый», «тревожная земля», «темнота закоулков», тьма, в которой «потонула пристань», холод, тоскливый звук пароходного свистка. В таком враждебном человеку пространстве пребывает «добрый, неплохой человек». Неприкаянность перерастает в отчаянный крик: «*Ну так что же? Пускай / Рассыпаются листья! / Пусть на город нагрянет / Затаившийся снег!*» [Там же]. В этом месте – кульминация и наиболее высокая эмоциональная точка.

Завершающая третья строфа примиряет лирического героя с наступлением зимы и тьмы. Листья – последние, они выбиваются из сил, словно готовятся покорно лечь под уже близким снегом. Движение замедляется моросящим «архангельским дождиком» – то ли принесенным с Архангельска, с севера, то ли падающим с небес посланником архангелов.

Песенность достигается за счет сквозного природного образа осенних листьев, символизирующих неизбежность ухода, тоску, параллелизма (листья – человеческая жизнь), повторов, вкрапления разговорного, эмоционального междометия «*эх*».

Стихотворение «Песенка» с подзаголовком «Экспромт под гитару» (при жизни не публиковалось) подходит под жанр песни уже по «внешним» характеристикам, указанием на музыкальное сопровождение. Уменьшительная форма «песенка» словно настраивает на простоту текста и незначительность содержания. И в первой строфе нарисован образ девушки, почти подростка, на фоне будничной обстановки (родиола, парк, забор). Даже деланное безразличие девушки вызывает умиление. Но во второй строфе возникает тема времени. И хотя временная дистанция небольшая – три года, – но изменения в душах героев происходят огромные и необратимые: *«Настолько с тобой изменились, / Настолько с тобой огрубели...»* [17, с. 157]. Многоточие заменяет описание утраченной любви, по-детски чистой и невинной.

Каждая из двух строф заканчивается подобием припева: «*Грущу сильней, / Но прежних дней / Мне ни за что не вернуть!*» [Там же]. Две строки написаны 2-стопным ямбом, а третья строка – 3-стопным дактилем, без рифмы. Метр и размер припева неслучайно не совпадают с размером куплетов – 3-стопным амфибрахием: меняется ракурс изображения, точка зрения наблюдателя в строфе переходит во внутреннюю психологическую в припеве. Рефрены звучат совершенно по-разному: в первом – робкая надежда на счастье, во втором – тоска по невозвратимой юности.

Обобщая наши наблюдения над текстами стихотворений, обозначенных поэтом как песни, мы пришли к следующим выводам. Песня как поэтический жанр в творчестве Н. М. Рубцова:

а) предельно открыто выражает авторскую позицию, эмоции и систему ценностей, носит исповедальный характер;

б) отличается простотой и выразительностью лексики и синтаксиса, яркими образами, ассоциативностью, живописностью, эмоциональностью и экспрессивностью;

в) имеет выраженные фольклорные корни через обращение к вечным темам любви, расставания, тоски по родине и ушедшей молодости, систему образов-символов и параллелизм с природными образами;

г) уникальный ритм ключевых образов придает тексту особую выразительность;

д) особая мелодичность достигается как стилистическими средствами – повторами, анафорами, так и интонационно-ритмическими – сочетанием метров и размеров, рифмовкой;

е) песенная природа проявляется на композиционном уровне в уподоблении куплетной форме песни, в системе повторов на всех уровнях, включая идейно-тематический, композиционный, образно-мотивный и фонологический.

Характеристика поэтики жанра песни в творчестве Н. М. Рубцова создает перспективу для разработки теории данного лирического жанра в русской поэзии. Обращение к жанру песни в творчестве других поэтов могло бы уточнить и расширить наблюдения, сделанные в статье.

Список литературы

1. *Бараков В. Н.* Лирика Николая Рубцова (опыт сравнительно-типологического анализа). URL: https://www.booksite.ru/fulltext/lir/ika/rub/tso/va/2.htm (дата обращения: 06.02.2026).

2. *Бараков В. Н.* О народности поэзии Николая Рубцова // Литература в школе. 1991. № 3. С. 60–68.

3. *Будилова М. П., Блинова С. В.* Музыка в жизни Николая Рубцова // XXIV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета (г. Нижневартовск, 5–6 апреля 2022 г.). Часть 8. Нижневартовск : НВГУ, 2022. С. 126–134.

4. *Викулов С. В.* Вместо предисловия // Песни на стихи Николая Рубцова / сост. Н. Н. Шантаренкова. М. : Сов. Россия, 1989. С. 3–4.

5. Воспоминания о Рубцове : сб. / сост. В. А. Оботуров, А. А. Грязев ; предисл. В. Оботурова. Архангельск, 1983. 320 с.

6. *Гаспаров М. Л.* «Снова тучи надо мною...». Методика анализа стихотворного текста // Русская речь. 1997. № 1. С. 9–20.

7. *Гачев Г. Д., Кожинов В. В.* Содержательность литературных форм // Теория литературы. М. : Наука, 1964. С. 17–39.

8. *Головкина С. Х.* Повтор как средство художественной выразительности в поэзии Н. Рубцова // Русский язык в школе. 2018. Т. 79, № 7. С. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-61-66.

9. *Зиновьева М. А.* Жанровое своеобразие творчества Николая Рубцова: к проблеме взаимодействия фольклорных и литературных традиций // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения : сб. ст. молодых ученых. Екатеринбург : УРФУ, 2019. С. 173–178.

10. *Иванова Е. В.* Традиции и новаторство в поэзии Н. М. Рубцова : дис. … канд. филол. наук. М., 1996. 197 с.

11. *Кравцов Н. И., Лазутин С. Г.* Русское устное народное творчество : учеб. для фил. спец. ун-тов. М. : Высш. шк., 1983. 448 с.

12. *Лазутин С. Г.* Песня // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5: Мурари – Припев. М. : Сов. энцикл., 1962. Стб. 711–712.

13. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург : УрГПУ, 2010. 904 с.

14. *Мокрова Н. И.* Песня как явление комплексного характера // Вестник ИрГТУ. 2015. № 6 (101). С. 389–393.

15. *Москвина О. А.* О ритме стихов Николая Рубцова // «…Звезда труда, поэзии, покоя…»: к 80-летию Н. М. Рубцова : сб. ст. М. : ИНИОН РАН, 2016. С. 116–134.

16. *Рубцов Н. М.* Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 : Стихотворения. 1942–1967. М. : ТЕРРА, 2000. 352 с.

17. *Рубцов Н. М.* Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2 : Стихотворения. 1967–1971 ; Шуточные стихи и стихи для детей ; Переводы. М. : ТЕРРА, 2000. 304 с.

18. *Тимашова Л. В.* Эстетико-нравственное своеобразие и актуальность поэзии Николая Рубцова : дис. … канд. филол. наук. М., 2004. 211 с.

19. *Тимашова Л. В.* Ключевые слова поэзии Николая Рубцова // Литература в школе. 2016. № 1. С. 21–22.

20. *Турилова М. В.* Интертекстуальность поэзии Н. М. Рубцова // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах : сб. материалов VIII междунар. науч. конф., Курган, 18–19 апреля 2025 года. Курган : Курганский государственный университет, 2025. С. 243–251.

21. *Шишмарёв В. Ф.* Песня (как явление литературное) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: https://clck.ru/3TfYn7 (дата обращения: 14.05.2026).

22. *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. М. ; СПб. : Т8 Издательские Технологии : Пальмира, 2022. С. 291–471.

On the Poetic Genre of the Song (Based on the Lyric Poetry of N. M. Rubtsov)

Solovyova Elena Evgenyevna[1], Zhigulin Makar Mikhailovich[2]

[1]PhD in Philology, associate professor of the Department of Russian Philology and Applied Communications of the Institute of Humanities, Cherepovets State University.
Russia, Cherepovets. ORCID: 0000-0002-3730-0694. E-mail: eesoloveva@chsu.ru

[2]teacher of Russian language and literature, Secondary School No. 14.
Russia, Cherepovets. ORCID: 0009-0002-2105-0229. E-mail: mmzhigulin@chsu.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the poetic genre of the song in the work of N. M. Rubtsov, one of the key representatives of the "quiet lyricism" of the second half of the 20th century. The relevance of the study is due to the interest of literary scholars and critics in "songfulness" as an immanent quality of Rubtsov's verse and to the need for a theoretical understanding of the genre of the song in the poet's work. The aim is to determine the specific features characteristic of the lyric genre of the song. The subject of analysis is the intonational and rhythmic and the structural and compositional features, as well as the system of images, motifs, and symbols of the poems designated as "songs". The methodological basis is formed by the studies of B. M. Eikhenbaum and M. L. Gasparov devoted to the Russian lyric system. We drew on the conception of the substantiality of literary forms of G. D. Gachev and V. V. Kozhinov, on N. L. Leiderman's theory of genres, and on the works of V. N. Barakov on the poetics of N. M. Rubtsov. Special attention was paid to the examination of folklore traditions, which N. M. Rubtsov himself noted. As a result of the study, we came to the conclusion that the genre of the song in N. M. Rubtsov's poetry is distinguished by the confessional quality of the authorial intonation, is closely connected with folklore and with the traditions of classical literature, is structured, is partly

assimilated to the synthetic genre of the song, and is characterized by a system of repetitions at all levels of the text, by a particular rhythm of images and motifs, and by musicality. The work possesses scholarly promise: it is significant both for the study of N. M. Rubtsov's creative legacy and for the formation of a theoretical and literary basis for the song genre. The results of the work may be applied in the continuation of research on this topic and on adjacent areas, as well as in the development of the philological disciplines "History of Russian Literature", "Theory of Literature", and "Literary Analysis of the Text".

Keywords: song genre, melodics, poetic intonation, folk song, Nikolai Rubtsov.

References

1. *Barakov V. N. Lirika Nikolaya Rubcova (opyt sravnitel'no-tipologicheskogo analiza)* [The Lyric Poetry of Nikolai Rubtsov (An Attempt at a Comparative-Typological Analysis)]. Available at: https://www.booksite.ru/fulltext/lir/ika/rub/tso/va/2.htm (date accessed: 06.02.2026).

2. *Barakov V. N. O narodnosti poezii Nikolaya Rubcova* [On the Folk Character of Nikolai Rubtsov's Poetry] // *Literatura v shkole* – Literature at School. 1991. No. 3. Pp. 60–68.

3. *Budilova M. P., Blinova S. V. Muzyka v zhizni Nikolaya Rubcova* [Music in the Life of Nikolai Rubtsov] // *XXIV Vserossijskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (g. Nizhnevartovsk, 5–6 aprelya 2022 g.)* [The 24th All-Russian Student Scientific-Practical Conference of Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, April 5–6, 2022)]. Part 8. Nizhnevartovsk, NVGU, 2022. Pp. 126–134.

4. *Vikulov S. V. Vmesto predisloviya* [Instead of a Preface] // *Pesni na stihi Nikolaya Rubcova* [Songs Based on the Poems of Nikolai Rubtsov] / comp. by N. N. Shantarenkova. M., Sov. Rossiya (Soviet Russia), 1989. Pp. 3–4.

5. *Vospominaniya o Rubcove : sb.* [Reminiscences of Rubtsov : A Collection] / comp. by V. A. Oboturov, A. A. Gryazev ; pref. by V. Oboturov. Arhangel'sk, 1983. 320 p.

6. *Gasparov M. L. "Snova tuchi nado mnoyu…". Metodika analiza stihotvornogo teksta* ["Clouds Are Over Me Again…". A Method for Analyzing a Poetic Text] // *Russkaya rech'* – Russian Speech. 1997. No. 1. Pp. 9–20.

7. *Gachev G. D., Kozhinov V. V. Soderzhatel'nost' literaturnyh form* [The Substantiality of Literary Forms] // *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. M., Nauka (Sciences), 1964. Pp. 17–39.

8. *Golovkina S. H. Povtor kak sredstvo hudozhestvennoj vyrazitel'nosti v poezii N. Rubcova* [Repetition as a Means of Artistic Expressiveness in N. Rubtsov's Poetry] // *Russkij yazyk v shkole* – Russian Language at School. 2018. Vol. 79, No. 7. Pp. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-61-66.

9. *Zinov'eva M. A. Zhanrovoe svoeobrazie tvorchestva Nikolaya Rubcova: k probleme vzaimodejstviya fol'klornyh i literaturnyh tradicij* [The Genre Distinctiveness of Nikolai Rubtsov's Work: On the Problem of the Interaction of Folklore and Literary Traditions] // *INITIUM. Hudozhestvennaya literatura: opyt sovremennogo prochteniya : sb. st. molodyh uchenyh* [INITIUM. Imaginative Literature: An Attempt at a Contemporary Reading : A Collection of Articles by Young Scholars]. Ekaterinburg, URFU, 2019. Pp. 173–178.

10. *Ivanova E. V. Tradicii i novatorstvo v poezii N. M. Rubcova : dis. … kand. filol. nauk* [Tradition and Innovation in the Poetry of N. M. Rubtsov : dis. ... PhD in Philology]. M., 1996. 197 p.

11. *Kravcov N. I., Lazutin S. G. Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo : ucheb. dlya fil. spec. un-tov* [Russian Oral Folk Art : A Textbook for Philological Specializations of Universities]. M., Vyssh. shk. (Higher School), 1983. 448 p.

12. *Lazutin S. G. Pesnya* [The Song] // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* [A Short Literary Encyclopedia]. Vol. 5: Murari – Pripev. M., Sov. encikl. (Soviet Encyclopedia), 1962. Cols. 711–712.

13. *Lejderman N. L. Teoriya zhanra: issledovaniya i razbory* [The Theory of Genre: Studies and Analyses]. Ekaterinburg, UrGPU, 2010. 904 p.

14. *Mokrova N. I. Pesnya kak yavlenie kompleksnogo haraktera* [The Song as a Phenomenon of a Complex Character] // *Vestnik IrGTU* – Bulletin of Irkutsk State Technical University. 2015. No. 6 (101). Pp. 389–393.

15. *Moskvina O. A. O ritme stihov Nikolaya Rubcova* [On the Rhythm of Nikolai Rubtsov's Verse] // *"…Zvezda truda, poezii, pokoya…": k 80-letiyu N. M. Rubcova : sb. st.* ["…A Star of Labor, Poetry, and Peace…": On the 80th Anniversary of N. M. Rubtsov : A Collection of Articles]. M., INION RAN, 2016. Pp. 116–134.

16. *Rubcov N. M. Sobranie sochinenij : v 3 t. T. 1 : Stihotvoreniya. 1942–1967* [Collected Works : in 3 vols. Vol. 1 : Poems. 1942–1967]. M., TERRA, 2000. 352 p.

17. *Rubcov N. M. Sobranie sochinenij : v 3 t. T. 2 : Stihotvoreniya. 1967–1971 ; Shutochnye stihi i stihi dlya detej ; Perevody* [Collected Works : in 3 vols. Vol. 2 : Poems. 1967–1971 ; Humorous Poems and Poems for Children ; Translations]. M., TERRA, 2000. 304 p.

18. *Timashova L. V. Estetiko-nravstvennoe svoeobrazie i aktual'nost' poezii Nikolaya Rubcova : dis. … kand. filol. nauk* [The Aesthetic and Moral Distinctiveness and Relevance of Nikolai Rubtsov's Poetry : dis. ... PhD in Philology]. M., 2004. 211 p.

19. *Timashova L. V. Klyuchevye slova poezii Nikolaya Rubcova* [Key Words of Nikolai Rubtsov's Poetry] // *Literatura v shkole* – Literature at School. 2016. No. 1. Pp. 21–22.

20. *Turilova M. V. Intertekstual'nost' poezii N. M. Rubcova* [The Intertextuality of N. M. Rubtsov's Poetry] // *Universal'noe i kul'turno-specifichnoe v yazykah i literaturah : sb. materialov VIII mezhdunar. nauch. konf., Kurgan, 18–19 aprelya 2025 goda* [The Universal and the Culturally Specific in Languages and Literatures : Proceedings of the 8th International Scientific Conference, Kurgan, April 18–19, 2025]. Kurgan, Kurganskij gosudarstvennyj universitet, 2025. Pp. 243–251.

21. *Shishmarev V. F. Pesnya (kak yavlenie literaturnoe)* [The Song (as a Literary Phenomenon)] // *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Available at: https://clck.ru/3TfYn7 (date accessed: 14.05.2026).
22. *Ejhenbaum B. M. O poezii* [On Poetry]. M. ; SPb., T8 Izdatel'skie Tehnologii ; Pal'mira, 2022. Pp. 291–471.

Поступила в редакцию: 17.02.2026
Принята к публикации: 19.05.2026